

Анатомия меланхолии

Бёртон Р. Анатомия меланхолии / пер. с англ., вступ. ст. и комментарии А. Г. Ингера. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 832 с.

Значение русского издания «Анатомии меланхолии» трудно переоценить. В течение прошлого столетия благодаря усилиям переводчиков удалось заполнить многие лакуны в сознании русских читателей: Шекспир из титанической фигуры, одиноко стоящей в чис-

том поле, постепенно превращался в вершину айсберга, состоящего из массива английской литературы XVI—XVII веков. Ни Сидни, ни Бен Джонсон, ни поэты-метафизики, к счастью, уже не являются полной *terra incognita* для русского читателя. Однако ни одного перевода «Анатомии меланхолии», этой книги, ключевой для английского барокко, до недавнего времени не существовало.

Возможно, сыграла роль российская традиция переводить только художественную — в прямом смысле этого слова — литературу. Остальным книгам могло «повезти» только в том случае, если они принадлежали перу крупного философа, например Томаса Мора или Фрэнсиса Бэкона. В противном случае их просто не рассматривали всерьез. Конечно, сыграла свою роль и советская идеология, бдительно следившая, как бы в печать не проникло что-либо «реакционное». Но это не объясняет, почему «Анатомия меланхолии» оказалась не востребована, например, русскими романтиками.

Является ли Бёртон великим мыслителем? Никоем образом. Его книга в основе своей компилятивна, нередко попросту сводит вместе противоречивые сведения, не пытаясь их логически увязать (довольно комично, например, выглядит глава о питании, где, после соединения вместе разных мнений о вредной пище, оказывается, что всякая пища вредна вообще, а Бёртон как будто этого и не замечает). Но, не будучи сама по себе гениальным творением, «Анатомия меланхолии» в высшей степени симптоматична. Она наиболее полно отражает дух своего времени. В этом причина успеха книги: только при жизни автора она издавалась несколько раз. И не менее показательна то, что Бёртон вносил поправки и дополнения в каждое следующее издание, реагировал на выход новых книг, на новые научные данные — стремление охватить ускользающую реальность, закрепить ее в сознании, присущее эпохе барокко. Есть два рода значимости книг. Одни книги зовут великими потому, что они гениальны по замыслу и исполнению — как «Книга песен» Петрарки, как «Федра» Еврипида или «Фауст» Гёте. Другие зовут великими потому, что они симптоматичны — как романы Вальтера Скотта и Гюго. Особенно мы ценим те произведения, в которых оба рода величия совпадают, как в «Гамлете» или «Дон Кихоте». Бёртон, конечно же, не Шекспир. Но он подводит итог всему предшествующему опыту, включая Шекспира (цитаты из Шекспира звучат в книге несколько

раз). Он с наибольшей полнотой стремится изобразить меланхолию как болезнь века. Бёртон ставит своей эпохе диагноз, от которого просто так уже не отмахнуться.

«Анатомия меланхолии» отражает не только симптомы болезни, но и умонастроения современников Бёртона, их научные познания, круг их чтения — от Цезаря и Тацита до Бонавентуры, от Апулея до Монтеня, от Везалия до трактатов по демонологии. Уже в силу наполненности цитатами книга трудна для чтения. Надо отдать должное труду А. Г. Ингера, взявшегося за заведомо неподъемную для одного человека задачу. Даже на родине Бёртона в издании «Анатомии меланхолии», как правило, участвуют редакторские коллективы — а ведь там не нуждаются в переводе. Почти десять лет А. Г. Ингер трудился над «Анатомией меланхолии» в одиночку, будучи тяжело болен. Он успел осуществить основную часть работы, то есть перевод и в значительной мере комментарий. Две главы из перевода были ранее опубликованы им в журнале RuBriCa (1997, выпуск 2). К работе он подходил со всей должной ответственностью: необходимо было не только установить источник цитаты, но и выяснить, переводился ли данный текст на русский язык, если переводился, то какой из переводов точнее; как принято писать по-русски имена авторов и т. д. Говорят, что умонастроение переводчика соответствовало переводимому тексту; не знаю, так ли это, — мне довелось встречаться с А. Г. Ингером всего один раз и в течение непродолжительного времени, — но стилистическое решение выбрано чрезвычайно удачно. Язык перевода полностью передает манеру английского барокко и вместе с тем не теряет необходимой естественности. По сложности технической задачи, решенной переводчиком, этот текст сопоставим, пожалуй, лишь с «Гаргантюа и Пантагрюэлем» в переводе Н. Любимова. (Бывают странные сближенья: каталоги, цитатные парафразы и риторические фигуры Бёртона чрезвычайно напоминают Рабле.)

Смерть помешала А. Г. Ингеру завершить работу над «Анатомией меланхолии». Ком-

ментарий, несмотря на предпринятые издателями усилия по расшифровке и сведению его воедино, все еще остается во многом в сыром виде. Ошибки, имевшие место в публикации 1997 года, в настоящем издании устранены — например, смешение Иоанна Дамаскина и Иоанна Хризостома (Златоуста)¹. Тем не менее комментарий еще содержит множество неточностей, дублирующих друг друга с разночтениями примечаний и просто лакун. Они, однако, не подлежат рассмотрению в пределах рецензии; нахожу возможным вынести замечания по комментарию в отдельный список исправлений и дополнений, который будет носить чисто прикладное значение.

Гораздо досаднее выглядит обилие опечаток в издании, в особенности в комментарии — этого вполне можно было избежать.

Тем не менее эти недостатки не способны зачеркнуть главного: русский читатель получил наконец книгу Бёртона, и притом в хорошем переводе. Перед нами уникальная возможность ознакомиться с теми аспектами культуры и мышления XVII столетия, о которых мы до сих пор вынуждены были судить по творениям отдельных гениев, таких, как Шекспир, Донн или Бэкон, — вследствие чего эти аспекты либо оставались скрытыми от наших глаз, либо отметались как досадное недоразумение (например, астрология и вера в ведьм). Бёртон говорит от лица типичного широкого читателя своей эпохи. От массового читателя его отличает только на-

личие ученой степени и большой объем прочитанного. Его читательская всеядность сродни всеядности шекспировской пастушки Мопсы из «Зимней сказки», которая кидается на все «напечатанное» (раз уже напечатали, значит, правда). От него не ускользают ни Марсилио Фичино, ни анекдоты о ликантропии. В результате для современного читателя трактат выглядит не столько анатомией меланхолии как определенного душевного состояния, сколько точнейшим и полнейшим анатомическим атласом ума человека начала XVII века. На страницах этого атласа препарированы и подсвечены круг чтения представителя этой эпохи, его взгляд на современность и себя самого, его естественнонаучные и медицинские познания, его отношение к религии, семье, обществу и собственному телу — нет такого уголка, которого не коснулся бы пытливым скальпелем Бёртона. Перед нами универсальный источник по мировоззрению английского барокко, вобравший в себя все характерные черты эпохи. Он пригодится, безусловно, не только шекспироведам или психологам, но всякому, кто пожелает заглянуть в прошлое самым прямым и непосредственным путем. Если не существует физической машины времени, то мыслительная вполне возможна — и таковой машиной является «Анатомия меланхолии».

¹ RuBrica, 1997. Issue 2. P. 207.

М. В. Елифёрова